

Иосиф Тимошенко

**Побег из Владимир-Волынского
лагеря для пленных офицеров**

Иосиф Тимошенко

**Побег из Владимир-Волынского
лагеря для пленных офицеров**

«Автор»

2024

Тимошенко И. В.

Побег из Владимир-Волынского лагеря для пленных офицеров /
И. В. Тимошенко — «Автор», 2024

В книге представлены воспоминания моего отца, Тимошенко Иосифа Васильевича, о начале войны, фашистском плене и побеге из Владимир-Волынского лагеря для пленных офицеров. К сожалению, он не успел закончить записи. В 1978 году отец умер. В приложении приводятся статьи из газет о его послевоенной деятельности, которые сохранились у нас дома.

© Тимошенко И. В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

1. Встреча с комдивом Калининым	7
2. Дорога от Борисполя до Владимир-Волынска	12
3. Лагерь военнопленных во Владимир-Волынске	15
4. Генерал Иванов	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Иосиф Тимошенко Побег из Владимир-Волынского лагеря для пленных офицеров

Иосиф Васильевич Тимошенко (—)

1. Встреча с комдивом Калининым

Я не стану описывать обстановку, в которую я попал в Киевском окружении осенью 1941 года. Кончилось все тем, что в бою за населенный пункт Березань я был ранен и попал в плен. С этого момента и начну описывать свои мытарства по лагерям военнопленных.

Чувство бессилия перед врагом – омерзительное, низкое, позорное чувство. Тяжким бременем оно ложится в душу человека, и перенести его невероятно трудно и мучительно, как суд над самим собой, как медленную смерть под пытками. Когда меня и таких же, как я, раненых притащили на колхозный ток и бросили на солому, я еще не мог ясно представить, что случилось. По стонам рядом лежащих товарищей, по нечеловеческим крикам и снующим теням я понял, что случилось что-то страшное, непоправимо позорное. Тяжелое чувство бессилия как стопудовая глыба легло на мое сердце, а мысли одна тяжелей другой мутили мое сознание. Я не слышал больше стонов, не чувствовал боли ран, солдаты неприятеля, как истуканы, стояли перед моими глазами, а мысли одна за другой: «Неужели конец? Неужели все кончилось? Неужели безнаказанно они будут топтать нашу землю, жечь наши села и города, убивать и мучить наш народ? Нет, этому не бывать! Там еще идут бои, и товарищи им за все отомстят».

Чувствую, как нас поднимают и с размаху бросают в машину, и снова погружаюсь в какой-то кошмарный сон. Прихожу в сознание от резкого толчка машины, открываю глаза и вижу: рядом со мной вповалку в кузове лежат мои товарищи, а на нас лежит, как приговор к смертной казни, большой деревянный крест. «Значит, нам жить осталось недолго», – спокойно проплыла мысль. Ни сил, ни возможностей на спасение не было. Спасти нас мог только случай. К машине подошли солдаты в белых халатах, сняли с машины крест и положили рядом с дорогой. Машины тронулись.

Делаю усилие и приподнимаю голову, чтобы посмотреть, что будет дальше. Я увидел то, что мне было так нужно. Поле, покрытое деревянными крестами, и на них металлические каски фашистских завоевателей. Увидел, как немецкие солдаты в белых халатах подтащили крест к яме, а рядом с ямой лежат распластанные трупы фашистов. Санитары разбирают трупы и аккуратно укладывают в яму.

Радостней стало на душе. Значит, мы дрались не даром за Михайловку, за Березань, за переправы и высоты. Дорого мы платим за каждый метр своего отступления, но теперь я своими глазами увидел, во что обходился фашистам поход на восток. Дорога их наступления была отмечена могилами с осиновыми крестами и стальными касками на них.

«Много еще вы наставите крестов на своем пути! Война будет длинной и тяжелой, – подумал я. – Смогу ли я еще принять участие в этой борьбе?»

Машина шла на запад, минуя кладбище и обгоняя колонны военнопленных. Шли они в сопровождении военного конвоя голодные, в грязных окровавленных повязках, с перевязанными руками, шли на примитивных костылях, хромая и поддерживая друг друга, под окрики фашистских солдат и лай немецких овчарок. Многие из них падут жертвой голода и ран, умрут от болезней и жестоких пыток, закончат свою жизнь в лагерях смерти, на виселицах, в газовых камерах и казематах гитлеровских застенков.

Уничтожение военнопленных началось на марше к лагерям. Военнопленных убивали за звездочку на рукаве гимнастерки, убивали за разговор в строю, убивали за то, что ты похож на еврея, убивали за то, что ты не имел сил и отставал от колонны, убивали для развлечения и устрашения. Дорога в лагеря была усеяна трупами советских военнопленных. Я прошел длинный путь этапов и лагерей и видел это собственными глазами. Видел неравный смертельный бой безоружных военнопленных с вооруженными врагами, их мужество, стойкость и верность Родине. Безгранично велика была их любовь к Родине и ненависть к врагу. Это был неистощимый источник энергии и сил в их борьбе. Я видел, как умирают наши воины, защищая свою

честь, умирают патриотами, не роняя достоинства советского человека. Но, к сожалению, я видел и трусость, и малодушие, и предательство. Чем дальше уходят от нас дни этих событий, тем ясней они видятся мне. Я постараюсь их описать такими, какими они были.

Вечером нас привезли в село Богдановку. Там было много военнопленных. Раненых поместили в колхозный свинарник, закрыли дверь на засов и выставили часовых. К утру двое военнопленных умерли. До следующего вечера никто к нам не приходил, нас не кормили. Вечером пришел немецкий ефрейтор. Унесли мертвых, выдали раненым хлеба из расчета 1 булка на 10 человек и по кружке воды. Второй день был похож на первый, только умерших было уже больше. На третий день к вечеру нам дали по черпаку баланды. Не у всех военнопленных были котелки, и большинство наливали баланду в пилотки. Некоторые, в том числе и я, не стали брать баланду в пилотки и были наказаны плеткой и лишены обеда. Никто нас не лечил и ран не перевязывал. К зловонию свинарника добавился зловонный запах гноящихся ран. Прожили мы в свинарнике несколько дней, и ежедневно умирали два-три человека. Это из партии примерно в восемьдесят человек.

Наша жизнь в свинарнике кончилась тем, что нас погрузили на машины и повезли в сторону Киева. По дороге мы видели мертвые села, заброшенные поля, колонны военнопленных и трупы. Много трупов военнопленных, зверски избитых и пристрелянных. Никто их не убирал с обочины дороги. Видели движущихся на восток немцев – жирных, самодовольных, упоенных легкой победой. Они орали непонятные для нас песни, хохотали, махали руками с засученными, как у палачей, рукавами. Ехали на открытых машинах и автобусах. Ехали как на парад, встречая военнопленных словами: «Советы капут! Комиссар капут! Юда!»

Так по пыльным дорогам мы были доставлены в Борисполь в лагерь военнопленных. В лагерь прибыли вечером. Погода испортилась. Дневная жара сменилась прохладной дождливой ночью. Нас поместили в госпиталь для военнопленных. Лагерь военнопленных был размещен на летном поле Бориспольского аэропорта, а госпиталь в помещении клуба летчиков. Нас занесли в помещение советские военнопленные санитары, переступая через раненых и ища свободные места. Меня положили на сцене. При тусклом свете фонарей я увидел до отказа переполненный зал. Раненые лежали вповалку на голом грязном полу, плотно друг к другу. Пройти в зал было невозможно. Стоны, крики, матерная брань, мольба о помощи, проклятия, повелительные команды – все смешалось в один гул, и смерть витала над всеми. Богдановский свинарник казался раем по сравнению с этим адом. Ни медикаментов, ни перевязочных материалов, ни условий для оказания помощи раненым не было. Лежали они на полу, кто в шинели, кто босой, кто в сапогах, а кто и совершенно голый, в грязных окровавленных бинтах. Беспре-рывным потоком выносили из зала мертвых, скончавшихся от потери или заражения крови, голода. На их место заносили новых раненых.

Врачи из числа военнопленных старались помочь раненым, безотлучно находились в зале, успокаивали их, поправляли повязки. Но что они могли сделать в этих условиях без лекарств и перевязочных средств? Ласковое слово, добрый ободряющий совет – вот и все их лекарство и помощь. Меня поражала преданность советских военных врачей своему долгу. Они такие же военнопленные, как и все остальные, без усталости и до последних сил боролись за каждого больного. Я не знаю их имен и фамилий, но они заслужили того, чтобы их знали и вспоминали словами благодарности не только мы, участники этих печальных событий, но и наши дети и внуки.

В эту ночь заснуть я не мог, меня лихорадило, и злила беспомощность. Врач осмотрел меня днем. Пинцетом выдернул из моих распухших и гноящихся ног мелко сидящие осколки и снова бинтовал старыми грязными бинтами. Снял грязную повязку, осмотрел рану и сказал:

– Рана под лопаткой очень глубокая, в этих условиях вытащить осколки я не могу. Если вы хотите жить, то уходите из этого ада. Я помогу вам добраться до общего лагеря, а там организуем лечение, там больше шансов на спасение, там вам помогут товарищи. Я буду присылать

к вам фельдшера. Он вместе с товарищами организует промывку и перевязку ран. Старайтесь не двигать плечом, дайте возможность осколку вжиться в тело. На ногах опухоль спадет, и вы еще бегать будете.

Беседа врача на меня подействовала ободряюще. Два санитары доставили меня на летное поле и пристроили меня в одной из воронок от бомб, приспособленной военнопленными под жилье. Санитары передали меня под опеку двух военнопленных. Эти двое оказались очень хорошими товарищами. Одного звали Волошиным, по специальности он был мой коллега – инженер-строитель, до войны работал в Киеве, а когда началась война, был призван в армию. Роста был выше среднего, плотного телосложения, глаза выразительные, большие, умные. Он был лет на десять старше меня, на голове просвечивалась седина, немногословен. Плен он переживал болезненно, за время плена заметно похудел, вся одежда на нем висела, и под глазами появились мешки. Второй – Николай Завьялов. Кадровый офицер-интендант 2-го ранга, по возрасту моложе Волошина, но старше меня. Молчаливый, приветливый и душевный товарищ. По-военному подтянут и даже здесь, в плену, в этой яме не потерял своего опрятного вида. В армии он служил начфином полка, а когда началась война, был начальником дивизии.

В госпиталь я попал в одной нательной рубашке. Был конец сентября, моросил прохладный дождь. Отправляя меня в госпиталь на летное поле, военврач распорядился выдать мне шинель умершего летчика. Шинель была очень большая и впоследствии сослужила хорошую службу. В воронке меня устроили под плащ-накидкой, напоили горячим кипятком, закутали в шинель. Я согрелся и заснул.

Разбудили меня вечером и принялись лечить. По совету врача Завьялов собрал на летном поле листьев заячьего уха и промыл их кипятком, награв несколько котелков воды. Пришел военфельдшер, снял повязки, снова дергал пинцетом осколки и промывал кипяченой водой раны, потом обложил ноги листьями заячьего уха и снова забинтовал. То же он сделал с раной на плече. Через день фельдшер снял повязку, листья были покрыты зловонным гноем. Снова он дергал осколки и снова обкладывал листьями промытые водой раны. На этот раз раны перевязали чистыми бинтами, которые нашел товарищ Завьялов.

Так меня, да и не только меня, лечили в воронке советские врачи. Завьялов исполнял роль санитаря: стирал бинты, кипятил воду, собирал и обрабатывал листья. Волошин поил меня горячим кипятком, получал за меня баланду.

Таких, как я, в воронке было много, и за всеми был организован уход и наблюдение врачей. Были в этих воронках и с более тяжелыми ранами. Здесь в Борисполе на летном поле военные врачи спасли жизнь не одной сотне раненых.

Через две недели я уже мог подниматься, но самостоятельно ходить не мог. Когда я впервые поднялся, то увидел огромное поле аэродрома, переполненное военнопленными. Немцы разбили это поле на зоны и производили какую-то сортировку пленных, непрерывно перегоняя их с одной зоны в другую. Волошин сказал мне, что в нашу зону немцы собирают командиров, что они с Завьяловым были в другой зоне, но их перегнали сюда. Под открытым небом военнопленные сновали по лагерю, шептались между собой, выкрикивали фамилии, искали знакомых, сослуживцев, земляков. У всех лица понурые, движения вялые, вид грязных, невымытых оборванцев. Присматриваются друг к другу, в разговор вступают осторожно. Каждое слово взвешено и обдумано. Каждый старается найти друга, и, конечно, нет вернее друга, чем старший сослуживец. В лагерь прибывали все новые и новые команды военнопленных и ежедневно отправлялись куда-то этапом. С утра до позднего вечера задавались вопросы, кто из какого полка и какой части. Я еще не мог передвигаться по лагерю и искать сослуживцев. Никто не называл номер моей части. А как хотелось встретить кого-нибудь.

Как обрадовался я, когда ко мне подошел человек, которого я встретил на передовой за несколько дней до моего ранения. При первой встречи ему было лет пятьдесят, а теперь он выглядел на все семьдесят: небритый, согнувшийся. Он улыбнулся и попросил разрешения

присесть. Медленно присел около меня, справился о моем здоровье, оглянулся по сторонам и почти шепотом начал предупреждать меня, чтобы я не говорил, кто он. При нашей первой встрече он представился мне командиром Киевского комсомольско-молодежного партизанского отряда, бывшим начальником штаба полка в дивизии Щорса, комдивом Калининым.

Эта встреча произошла восточнее города Борисполя, перед населенным пунктом Михайловка. Там я с командой военных мостовиков восстанавливал небольшой мостик для пропуска на восток колонны бронепоездов и двух эшелонов с тяжелоранеными. Выставив охранение, мы восстанавливали мост. Неприятельская батарея с Михайловского кладбища обстреливала нас и не давала работать. Бронепоезда были от нас в удалении 2–3 км за ж/д выемкой и не отвечали немецкой батарее. Я послал связного к начальнику бронепоездов с просьбой подавить огонь неприятеля.

Не прошло и 10 минут, как связной вернулся и доложил, что он задержал человека, который шел в сторону Михайловки, т. е. к немцам. Человек действительно был подозрительный: одет в гражданское и при оружии. Связного я послал выполнять приказание и стал выяснять личность задержанного. Задержанный мне предъявил удостоверение личности на имя Калинина (имя и отчество не запомнил), командира Киевского комсомольско-молодежного партизанского отряда. Его внешность и одежда подтверждали это. Высокий, чисто выбритый, с военной выправкой. Одет в хромовые военные сапоги, галифе, комсоставскую гимнастерку без знаков различия, подпоясан ремнем с портупьями, на ремне кожаная командирская сумка, планшет, пистолет, а ниже колен болтается маузер. Вместо шинели одет в доху шерстью вверх, на голове кожаная фуражка со звездочкой.

Посмотрев документы, я поинтересовался, почему он один, без отряда. Калинин предложил папироску и пригласил меня присесть.

– Пока мы покурим, отряд подойдет, – сказал он.

Мы закурили стоя. Не успели мы выкурить по папиросе, как к нам подошел человек высокого роста, стройный, худощавый, с длинным энергичным лицом и большим носом, с бравой казацкой выправкой. Одет он был с ног до головы в кожу: сапоги, брюки, тужурка и фуражка – все было сделано из черного хрома. Кожаный ремень с портупьями и командирские сумки дополняли его снаряжение, а большой кудрявый чуб, выглядывавший из-под кожаной фуражки, напоминал выдуманного героя времени империалистической войны Кузьму Крюкова. Он подошел Калинину и по-военному доложил:

– Товарищ комдив, вверенный Вам отряд прибыл и ожидает Ваших указаний.

Комдив принял рапорт и представил мне своего начальника штаба. Сомнения отпали, Калинин свой человек.

За это время подошли бронепоезда и открыли артиллерийский огонь по немецкой батарее. Комдив дал команду своему начальнику штаба поднять отряд в атаку. Начальник штаба по-уставному повторил приказ и пошел выполнять. Через некоторое время отряд молодых парней и девочек, человек 80–100, с криками «ура» пошел на Михайловку. Немцы стреляли по ним из пулеметов и винтовок, а ребята с криками «ура» шли, падали, поднимались и снова шли. Батарея замолчала, а пехота неприятеля не выдержала дружного напора комсомольцев и в панике бежала. Среди наступающих были раненые и убитые. После боя начальник построил отряд, и комдив поблагодарил партизан за службу и поздравил с первым успешным боем. Тут же похоронили убитых товарищей и салютом из автоматов и винтовок попрощались с ними. Командир отряда дал команду двигаться дальше, я поблагодарил комдива за помощь, попрощался с ним и ушел проверять готовность моста к пропуску бронепоездов.

И вот снова передо мною комдив Калинин, но уже военнопленный, постаревший, сторбленный. Обидели меня его слова. Я выругался, а потом подумал про себя, что он прав, ведь он меня почти не знает. Мне стало его жалко, и я дал слово, что буду молчать и никому никогда ни при каких обстоятельствах ни одним словом не обмолвлюсь о нашем знакомстве. Еще

несколько раз он навещал меня. В последний раз он рассказал мне, что в 1938 году был арестован, осужден тройкой и сидел до начала войны, поэтому у него нет нового военного звания. Высказал он это тоном предупреждения, мол, все сказанное им до этого как бы ликвидируется. Я понял его новое признание как своего рода громоотвод. Мне неизвестно, кто первым покинул Бориспольский лагерь, каким путем, Калинин прошел этап до Владимир-Волынского лагеря, но встретил я его там уже в другой роли.

Бориспольский лагерь для военнопленных был первым лагерем, где я увидел жизнь во всем ее многообразии. Мои раны на ногах заживали, меньше гноились, спала опухоль. Я начал понемногу ходить. Рана на плече не заживала и гноилась, плечо раздуло, и я был похож на горбуна, медленно передвигался по лагерю и присматривался к военнопленным. Много было таких, как я, были и более тяжелые, но самые тяжелые были в госпитале, и их дни были сочтены.

Подавляющее большинство пленных переносили плен не как личное горе, а как общегосударственную трагедию и старались вырваться из плена, оказывали содействие к побегу, помогали друг другу выжить, не допускать падения человеческого достоинства. В Бориспольском лагере, в этом море человеческого горя, на поверхность всплыли как г... в проруби все отбросы нашего общества – украинские националисты, жулики и мелкие политиканы от троцкистов. Вся эта свора пошла в лакеи к немецким фашистам. Живя в лагере на положении военнопленных, они выполняли роли шпионов, провокаторов, палачей. Выслеживали и выдавали в СС комиссаров, политработников, советских активистов, евреев. Клеветали на советские порядки, на свой народ, склоняли военнопленных к измене.

Особо нужно остановиться на ворах и спекулянтах. Хотя они и не провоцировали измены, не избивали военнопленных палками, но под покровительством немецкого командования и их приспешников обворовывали военнопленных и спекулировали их жизнью. В лагере действовала толкучка, где торговали котелками, ложками, табаком, гимнастерками, шинелями, часами, тряпками для перевязки ран. На этом рынке за кусочек хлеба можно было выменять сапоги или портсигар, шинель или часы, обручальное кольцо или белье. Обворовывая раненых, больных и умирающих, в погоне за наживой они лишали военнопленных куска хлеба и обрекали их на преждевременную смерть.

Уже в Борисполе, т. е. на первых порах существования лагерей, появились организации военнопленных, которые ставили своей задачей борьбу с этой саранчой. Это организации однополчан и землячества. Организации однополчан спасли много жизней военнопленных на этапах. Они переросли со временем в подпольную организацию советских патриотов.

2. Дорога от Борисполя до Владимир-Волынска

Наш сектор подняли рано утром, построили в походную колонну и подвели к воротам. Здесь ее плотным кольцом обступила команда автоматчиков с собаками. По замыслу немцев наша колонна должна была состоять из командного состава, но мы знали, что среди нас много солдат. В колонне на каждые 2–3 человека был один раненый, который без посторонней помощи пройти от Борисполя до Киева не мог.

Хотя мои ноги были в бинтах, с палкой и при поддержке Волошина и Завьялова я начал свой марш сравнительно хорошо. Конвой, вооруженный автоматами, карабинами с примкнутыми штыками и ручными пулеметами в сопровождении сторожевых собак, охватил колонну плотным кольцом, и колонна двинулась в путь. Шла она медленно и молча. Только неистовые крики конвоиров и лай собак нарушали молчание. Отставших тащили товарищи, и сами становились отставшими. Трупы военнопленных, оставленные на дороге впереди прошедшей колонной, напоминали о надвигающейся опасности. Из последних сил товарищи помогали друг другу. Конвой начинает торопить колонну: «Бистро, бистро», – и автоматными очередями в хвосте колонны. Три трупа остались на дороге, и снова команда двигается. Шли из последних сил измученные, усталые. Дорога казалась мучительно долгой и тяжелой. Шли мы по дороге, усыпанной трупами, добавляя к ним трупы наших товарищей. Шли без привалов, мучимые голодом и жаждой.

Так мы подошли к Днепру. Красавцы мосты, по которым я недавно ходил, оцетинившись грудой металла, выглядывали из воды. Нас провели по понтонному мосту в пустой мертвый город. Рядом со мной шли Волошин и Завьялов, коренные киевляне. В Борисполе они рассказывали мне, что семьи их эвакуированы из Киева, но они не теряли надежды, что кто-нибудь из знакомых заметит их и возьмет из лагеря. Напрасно они искали знакомых, улицы были пусты.

Вечером нас пригнали на Керосинку и поместили на территории детского сада. В Киеве мы пробыли несколько дней, немцы продолжали сортировать военнопленных. Заметно оживили свою работу агенты гестапо из числа военнопленных. Одна группа однополчан артиллеристов тщательно скрывала батальонного комиссара. В Киеве его забрали в гестапо и расстреляли. Как выяснилось, его выдал предатель. На следующее утро предателя нашли мертвым в выгребной яме.

В Киеве особенно стала заметна деятельность немецкой пропаганды, которая с рвением распространяла слухи о поражении Красной армии. Нам внушали, что вот-вот падут Москва и Ленинград, что война кончится в этом году. Но из-за проволоки доходили слухи, что в городе действуют подпольные диверсионные группы, что они взрывают здания, убивают немецких часовых и офицеров. Эти известия ободряли нас. В Киевском лагере мы узнали о неслыханном в истории злодеянии фашистов, о расстреле в Бабьем Яру нескольких тысяч мирных жителей Киева. Не пощадили звери ни малых детей, ни женщин, ни стариков. Немцы называли наш лагерь офицерским и, возможно, поэтому его содержали особенно строго. Появились в лагере гестаповские офицеры. Началась охота за коммунистами, комиссарами и евреями. Хотя охота была и раньше, она не носила того организованного начала, которое мы почувствовали в Киеве.

Если по этапам состав лагеря менялся, то после Борисполя он стал стабилизироваться. Военнопленные до некоторой степени узнали друг друга и сжились. Если раньше доносчики оставались незамеченными, то уже в Киевском лагере мы их знали в лицо, если не всех, то по крайней мере некоторых, и могли предупреждать предательство. Здесь в Киеве был открыт предатель Денисюк. Грузный, не потерявший своего живота даже в плену на лагерной баланде, прожорливый и неприхотливый до еды, с суровым лицом палача. Выдавал он себя за инженера из Днепропетровска. Уже в Киеве он предал товарищей. Свой провокационный разговор он, как правило, начинал словами: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит чело-

век». Потом продолжал, что это не страна, а тюрьма, что в немецком плену легче и сытнее живется, чем при Советской власти на воле. Затем переходил к песне «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов» или «Мы чужой земли не хотим, но и своей и вершка не отдадим». После слов из песни начинал издевательские разговоры о Красной армии и Советской власти и продолжал до тех пор, пока не спровоцирует кого-либо на разговор. Урок однополчан-артиллеристов был достойным ответом провокаторам и предателям. Денисюк притих, чтобы во Владимир-Волынской развить более активно свою предательскую деятельность.

В конце октября, в ясное погожее утро, к лагерю подошла колонна крытых машин. Поступила команда строиться, и началась погрузка. Грузили до отказа. В сопровождении мотоциклистов и машины с вооруженной охраной лагеря начали вывозить. Машины работали целый день, доставляли военнопленных на станцию Васильков и там нас грузили в ж/д вагоны. Набивали до отказа, сколько мог вместить вагон людей стоя. Плотность была больше, чем в городском трамвае в часы пик. Невозможно было повернуться. Вагоны закрывались с наружной стороны. Погрузка была закончена поздно вечером. Судя по количеству вагонов и по плотности загрузки, в вагоны погрузили не один наш лагерь. Еще не отправился состав, а в нашем вагоне уже скончались. Вагоны не открывали, и мертвые следовали в вагоне до Житомира. В Житомире открыли вагоны, убрали трупы, за дорогу скончалось еще трое. Всех вывели из вагонов и пересчитали. Конвой почему-то нервничал, суетился. Оказывается, по дороге к Житомиру сбежал целый вагон пленных, в вагоне остались только мертвые и те, кто не мог двигаться. Побег они совершили через дыру, которую пропилили в полу вагона и прыгали на ходу поезда на железнодорожный путь между колесами, рискуя быть раздавленными.

Железнодорожный состав убрали, выбросили поврежденный вагон и снова поставили на старое место под погрузку. Началась погрузка. Хотя в каждом вагоне умерло по 5–6 человек, просторнее не стало. Снова нас запечатали и повезли дальше. Утром эшелон прибыл на ст. Шепетовка, его поставили у воинской платформы и военнопленных выгрузили. Снова сняли с каждого вагона по 4–6 трупов. В Шепетовке нас решили покормить. Загнали в какой-то пустой лагерь и выдали на каждые 10 человек по буханке хлеба-эрзаца и по литру баланды на каждого. Раненым пообещали оказать медицинскую помощь.

Мое плечо разнесло, на ногах снова загноились раны, повязки пропитались гноем. Военнопленный врач сделал мне перевязку моими стираными тряпками. Он промыл рану, смочил тряпки-тампоны в какой-то жидкости и начал начинять мою рану тряпками. Никогда я не думал, что человеку под кожу можно напихать столько тряпок. После перевязки почувствовал облегчение. Военврач был человек разговорчивый, он рассказал, что на этом месте был большой лагерь военнопленных, но пленные вымерли, а сейчас здесь что-то вроде продпункта, эшелоны останавливаются, чтобы покормить пленных. Так оно и было, нас покормили, снова погрузили в вагоны и повезли.

Начался самый трудный и тяжелый участок нашего пути. Стоя, в закупоренных вагонах нас везли в неизвестность. Со станцией Шепетовка мы расставались, как с родной матерью. Многие здесь служили. Много лет здесь был конец нашей земли – граница, и вот теперь мы ее покинули. Многим из нас не суждено было вернуться. Колеса монотонно стучали, как будто задавали вопросы: «Куда ты едешь? Куда ты едешь?».

Поезд нас вез на запад. Наблюдатели оповещали: проехали Здолбуново, Ровно, Киверцы, прибыли на станцию Ковель. «А куда дальше?» – задавал каждый себе вопрос.

Чем дальше запад, тем меньше шансов на спасение. В вагоне душно, многие уже не стоят, а висят, зажатые между товарищами. В вагоне уже восемь человек покойников, но никто вагонов не открывает. Наконец свисток, и поезд тронулся. Темно. Поезд минует какие-то станции, разъезды, подолгу стоит на остановках. За окнами брызжет рассвет. Началось утро седьмого ноября. Сегодня 24-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. Этот день советский народ всегда встречал торжественно, по-особому празднично. Его и сегодня

советский народ встречает в борьбе с врагами, полный веры в победу. А мы, граждане Великого Советского Союза, заперты в вагонах и ничем не можем помочь им. Такие мысли грызли каждого из нас. Слышно, как кто-то слабым голосом, почти шепотом запел «Широка страна моя родная». По голосу узнаю капитана Костякова. Ему подпевает такой же тихий голос, потом третий, четвертый, а затем весь вагон «От Москвы до самых до окраин...». Слышны крики часовых, стрельба. Песня постепенно затихает. Лязгают дверные задвижки. С шумом открываются двери. Струя свежего морозного воздуха врывается в вагон. Команда выходить из вагонов. Снова процедура проверки и 12 трупов. За время дороги от Киева до Владимир-Волынского, по нашим подсчетам, в эшелоне умерли около тысячи человек.

3. Лагерь военнопленных во Владимир-Волынске

Многие военнопленные знали этот город, здесь служили и приняли первое сражение. И вот снова в этом городе, но уже на правах военнопленных. Нас построили и повели в лагерь. Он находился рядом со станцией и размещался в казармах бывшего военного городка. Не верилось, что в этом городке можно разместить такое количество людей. Лагерь был огорожен высокими заборами из колючей проволоки. Изгородь, пулеметные вышки для часовых, деревянные тротуары между рядами проволоки, заграждения были сделаны добротнo, со знанием дела. Было видно, что устроители – опытные люди. На вышке установлены пулеметы, между вышками по деревянным тротуарам ходили парные патрули со сторожевыми собаками. Нас подогнали к лагерю, но на территорию не вводили. Нужно было выполнить все формальности зачисления в лагерь. В караульном помещении работало несколько команд гестаповцев, занимаясь оформлением военнопленных. Это выглядело так. При входе в помещение у тебя отбирали все вещи, потом ты раздевался догола, и врач-гестаповец определял, не являешься ли ты евреем, затем брали отпечатки пальцев, присваивали номер и на веревочке вешали на шею. С этого момента ты уже не человек, у тебя отобрали имя и фамилию, ты стал военнопленным № 1584. После этой процедуры выдавали вместо сапог деревянные колодки. Все мало-мальски целые вещи отбирали, и одевался ты в рваньё. Все это должен делать быстро, за всякое промедление наказывали палками. Выявленных евреев, людей с татуировками звезды, лиц, у которых при обыске находили удостоверение личности политработников и билеты членов партии, выводили через другую дверь и организовывали из них особую команду. Все остальные строились в команду и шли в лагерь. Оформление длилось целый день.

Когда я прошел эту процедуру и вышел на улицу, у здания стояла команда военнопленных и ожидала своей очереди. Среди усталых, голодных, худых, напоминающих скелеты людей, суетливо ходил мужчина в форме интенданта третьего ранга и умоляюще просил товарищей спасти его. Одному он совал в руки часы в золотой оправе и пачку сигарет. Другому давал серебряный портсигар и банку консервов. Он спешит избавиться от своего добра, нажитого в лагере на горе других спекуляцией и мародерством, чтобы избежать наказания немцев, он делает последнюю попытку спасти свои ценности. Кто же этот интендант и откуда у него такое богатство? Я уже рассказывал, что в Бориспольском лагере действовала шайка воров, спекулянтов и мародеров. В нашей воронке жили два странных военнопленных. Один из них интендант 3-го ранга Саша Егоров, а второй – воентехник Котя Слепой. В отличие от всех остальных они были хорошо одеты, всегда выбриты, курили хорошие сигареты, хорошо питались. Их вещевые мешки были набиты продуктами питания и еще какими-то вещами. У Саши было пуховое одеяло, а у Коти стеганый спальный мешок. Когда военнопленные спрашивали, откуда у них такие продукты и вещи, то они как будто в шутку отвечали, что к плену нужно было готовиться. Если из воронки уходил один, то другой оставался охранять вещи. В воронку к ним приходили какие-то люди, что-то приносили и уносили. У них часто появлялись такие продукты, как голландский сыр и сухая колбаса. Мы догадывались, откуда они берут все это, но достоверно мы узнали гораздо позже. Сначала мы считали, что они работают на немцев и за это получают вознаграждение, но это была ошибка. В походе из Борисполя до Киева Саша и Котя шагали бодро, как натренированные туристы с переполненными рюкзаками. В Киеве они жалели, что не могут попасть в Бабий Яр. По дороге на Владимир-Волынь случилось непредвиденное. При погрузке в вагоны их разлучили, они попали в разные вагоны. Коте повезло, он попал в вагон, который дорогой сбежал, вместе со всеми ушел и он со своим рюкзаком. Саша благополучно добрался до Владимир-Волыньска, и вот теперь мечется и не знает, куда девать свое добро. Военнопленные принимают подарки, зная, что ими они смогут пользоваться только до обыска, а вот придача к подарку им пригодится. Но когда дело дошло до золотых

коронки и золотых мостов с зубами, то таких подарков товарищи не приняли, и Егоров со злостью бросил их на землю и втоптал ногами. При обыске с Саши сняли золотое кольцо, отобрали карманные часы в золотой оправе с массивной крышечкой и красивый серебряный портсигар, инкрустированный дорогими камнями. Сняли с Саши все обмундирование, отобрали пуховое одеяло, выпотрошили все запасы продуктов. Выдали ему деревянные колодки, старое рваное солдатское обмундирование, присвоили ему номер. В лагерь он вступил как все, но упитанным и полным физических сил.

Погода было холодная. Землю прихватили первые заморозки, и припорошило снежком. Военнопленные после процедуры зачисления замерзли и дрожали. В этот день кроме кусочка суррогатного хлеба нам ничего не дали. Все с какой-то надеждой смотрели на казармы. Прежде чем завести в казармы, нас предупредили, чего мы не должны делать в лагере. Не разводить костров, не ходить после отбоя по территории, не подходить к проволочному ограждению.

В казарме нам стало еще труднее. Она была пустая и холодная, печи предусмотрительно разобрали, окна разбиты, в помещении гуляют сквозняки, нар нет. Наш вагон разместили в помещении умывальника на цементном полу. Холод, зуб на зуб не попадал. Решили развести костер, погреться. Нашлись смельчаки поискать дров. Только вышли на улицу и тут же были убиты очередью с пулемета. Эту ночь никто не спал, а утром рядом с живыми лежали умершие.

Утром нас построили, пересчитали и строем повели к полевым кухням за порцией «зубу». Нас предупредили, что «зубу» мы будем получать один раз в сутки. Во дворе было несколько полевых кухонь. Военнопленные должны были по одному, цепочкой подходить к костру и получить черпак баланды в свою посуду. У кухонь стояло несколько здоровенных немцев и кричали: «Быстро, быстро!» – а рядом с ними их прихлебатели с резиновыми шлангами били каждого зазевавшегося. Особенно досталось обессиленным раненым и больным. После завтрака нас снова построили и начали распределять по работам. В первую очередь вывели похоронную команду, чтобы похоронить умерших товарищей. Остальные должны были заниматься обустройством жилья. Нары строились сплошными в три яруса и только в трех казармах. В четвертой казарме нар не делали, туда поместили выявленных комиссаров и евреев. Если в наших казармах при таком скоплении людей было холодно, то что делалось в четвертой казарме, где жило 150–200 человек, обреченных на смерть?

Через несколько дней обустройство лагеря было закончено. Наша команда была помещена в комнате здания бывшего штаба в/части. В комнату площадью 90 квадратных метров поселили 150 человек. Места распределили между собой по жребию. Мне попало место на первом ярусе около окна. Моим соседом оказался полковник Жуков. Когда мы с ним познакомились поближе, он оказался приятным человеком и верным товарищем.

Товарищ Тарасов, который работал в похоронной команде, как-то вечером рассказал, что в лагере ежедневно умирает около ста человек. Он рассказал также, что немцы за проволокой вырыли бульдозером две ямы размером примерно шесть на сто–сто пятьдесят метров. Трупы укладываются в ямы и накрываются соломой. Зарывать ямы будут тогда, когда заполнят трупами. Жутко было слушать такие новости. Настроение было подавленное. Но, как всегда, в компании находятся неунывающие, начинают считать, сколько нужно трупов, чтобы заполнить эти ямы.

«Это ты неправильно считаешь, – заявляет капитан Касьянов, – ты считаешь на рядового военнопленного, а в лагере есть такие, как Денисюк и Саша Егоров, которые займут места побольше, и значит, умрет пленных поменьше».

Саша ежится, Денисюк огрызается. Находятся оптимисты, которые считают, что по смертности первых дней нельзя делать заключение, что лагерь постепенно будет благоустроен, станет теплей, кормить станут лучше, что не допустят такой высокой смертности.

«Ты что, на курорт приехал?» – кто-то кричит с верхней полки.

«Немцы – народ деловой и с опытом. Если они вырыли ямы на 5500 трупов, значит так и будет!» – неожиданно высказался Саша.

Теперь Денисюк ошетинился. Во всем обвиняет Сталина, что это он довел до войны, что виноваты коммунисты, а не немцы. Сразился агент Денисюк со спекулянтом Сашей, все остальные молчат и только изредка вставляют реплики подливая масла в огонь. Спорили долго, пока кто-то не крикнул: «Ну, довольно! Пора спать».

Началась нудная, мучительно долгая жизнь в лагере. Военнопленные, что называется, приноживались друг к другу, изучали повадки и характеры друг друга, искали друзей, единомышленников, выявляли врагов и предателей. Прислушивались к каждому сказанному слову, ловили реакцию на сказанное. Особенно следили за реакцией при разговоре о положении на фронте. Хотя немцы все время трубили о близком конце войны, какой-то внутренний голос подсказывал, что это не так. Вновь поступившие военнопленные приносили вести о разгроме немцев под Москвой, говорили, что наши войска снова завладели Ростовом-на-Дону.

Я искал себе пристанища, но все были чужие. Наконец мне удалось найти в лагере двух своих сослуживцев. Но радость была недолгой. Майора Молявко скоро куда-то угнали, а капитан Бедный умер от истощения. Много знакомых было у моего соседа Жукова. Степан Антонович, так называли однополчане Жукова, был человек молчаливый и в разговор вступал редко. Вид у него был болезненный, впалая грудь, голова наклонена вперед и немного вправо, отчего он казался согбенным. Руки висели вперед и делали его неуклюжим. Несмотря на его болезненный вид и молчаливый характер, к нему часто обращались его товарищи за советом.

Подошел конец ноября, жильцов блока № 4 выгнали на улицу. Блок № 4 находился рядом с нашим помещением, и нам с окна хорошо было видно этих обреченных на смерть людей. После Здневного голодания и нахождения в холодном помещении на сквозняках они напоминали трупы. Избивая палками и травя собаками, их стадом погнали по площади к воротам лагеря. Всех военнопленных загнали в казармы, и они из окон наблюдали эту печальную картину. Немцы объявили в лагере, что жильцы барака № 4 отправляются в другой лагерь, но мы знали, что их повели на расстрел. Это была первая партия организованного расстрела военнопленных в офицерском лагере. Со слезами на глазах провожали в последний путь своих товарищей. Лишь иногда слова гнева срывались с уст товарищей. Я повернулся в сторону рядом стоящего полковника Жукова. Он смотрел на меня. По его глазам и выражению лица я понял, что он читал мои мысли. Мы почти одновременно произнесли: «Сволочи, гады!».

Военнопленные медленно начали отходить от окон, и, хотя уже можно было выходить на улицу, никто не вышел, все молча лежали на нарах. Только изредка слышны были вздохи и всхлипывания. То плакали взрослые мужчины слезами отчаяния. В эту ночь мы с Жуковым не спали, как не спали многие в лагере. Когда разговорился Степан Антонович, мне стало ясно, что в этом больном теле сильный дух. Я понял, что это тот человек, которого я искал. Степан Антонович сожалел, что в нашем лагере еще не было ни одного побега. Он расценивал побег как выполнение долга, как высшее проявление патриотизма в лагерных условиях. Он с огорчением сказал, что в лагере многие под воздействием голода поддаются фашистской агитации, начинают терять надежду на победу, малодушничают, что организации однополчан малочисленные и разрозненные, что они не охватывают всех военнопленных и не способны противостоять немецкой агитации. Он предложил мне примкнуть к их однополчанам. Так я вступил в контакт с одним из организаторов подполья во Владимир-Волынском лагере полковым комиссаром Жуковым.

В лагере фашисты организовали голод и старались убедить военнопленных, что виновниками голода является Советское правительство. Фашистская пропаганда до небес возносила победы немецких войск, осуждало командование Красной армии в неправильном ведении войны. Немцы старались вдолбить военнопленным, что эвакуация промышленности и продовольствия являются причинами голода в лагерях. Голод они объясняли еще и тем, что

не рассчитывали взять такого количества пленных, а также и тем, что Советский союз не является членом международной организации «Красный крест». Рисовали радужные картины жизни в новом мире без коммунистов и жидов. Призывали всех «честных» военнопленных помочь очистить лагерь от комиссаров, коммунистов, евреев и всех, кому не нравится новый порядок, кто не признает арийской расы как господствующей, единственной расы, способной управлять миром. Восхваляли все немецкое, охаивали все русское, все советское. Такие мысли внушались в беседах, на допросах. Внушали их гестаповцы, абверовцы, немецкие офицеры. Внушали их помощники из среды военнопленных, бывшие петлюровцы, махновцы, белогвардейцы, воры и спекулянты. Организовывались слежки и провокационные разговоры.

К этой знакомой военнопленным своре во Владимир-Волынском лагере прибавились новые помощники: украинские националисты, грузинские и армянские князья, недобитая великосветская русская знать. Все они развернули энергичную деятельность по обработке советских военнопленных, по опорочиванию Советской власти, советских порядков, ленинской национальной политики. Голодом, обманом, запугиванием, побоями, посулами, истязанием, расстрелами и пытками они старались нарушить дружбу советских людей, подорвать их дух и веру, сделать послушным оружием против своей Родины.

Всему этому советские патриоты должны были противопоставить свое умение организовывать людей на борьбу с ненавистным врагом, помочь выстоять в борьбе, вселить в победу. Слишком неравны были средства и возможности борьбы. Но борьба шла жестокая, беспощадная, смертельно опасная. Я не знал руководителей организации, а только догадывался, что Степан Андреевич причастен к этому, но я верил, что такая организация есть и во главе ее стоят коммунисты – умелые, опытные организаторы.

Наш лагерь считался офицерским, и командование лагеря никого из военнопленных не посылало на работу за черту лагеря, за исключением похоронной команды, которая вывозила трупы. Как-то ночью ко мне пододвинулся Степан Антонович и шепотом спросил, знаю ли я надежных товарищей, которым можно поручить важное дело. Он просил меня не спешить с ответом и не предлагать себя, так как требуются физически сильные товарищи. Это был намек, что я с одной рукой не смогу выполнить этого поручения. Он объяснил, что нужно укомплектовать похоронную команду надежными людьми. Это пока единственная возможность связаться с внешним миром. Командование лагеря ежедневно направляет военнопленных на эту работу, но команда не постоянная, а нужно сделать так, чтобы состав команды не менялся. Теперь для меня было ясно, кем является Степан Антонович.

Через несколько дней я получил согласие майора Гончаренко и старшего лейтенанта Поливанова быть членами похоронной команды и выполнять поручение комитета. Я доложил об их согласии Жукову. Как похоронная команда установила связь с внешним миром мне неизвестно, но эта связь действовала. В лагере начали появляться написанные от руки сводки Совинформбюро. Сводки размножались и передавались из рук в руки. Они нужны были как хлеб, как воздух. Небольшие листочки школьной тетради согревали и радовали военнопленных, придавали силы.

Зима 1941–1942 гг. была холодной. Чтобы меньше расходовать энергии, военнопленные много лежали, мало двигались. Многие в эту зиму умерли. Особенно большая смертность была среди военнопленных моложе тридцати лет. На место умерших пригоняли новых, так что лагерь все время был переполнен. Немцы все кричали о победе и вдруг замолкли, а потом, обновив пластинку, начали снова, что русских спасла зима, что весной они закончат разгром. Новые военнопленные приносили в лагерь печальные вести. И вдруг радостное известие: немецкое наступление приостановлено по всему фронту и немцы разгромлены под Москвой.

4. Генерал Иванов

В феврале 1942 года в лагерь поступил пленный генерал в новой генеральской форме, в погонах и даже с адъютантом. Настоящей фамилии генерала мы не знали и между собой называли генералом Ивановым. В плен он попал под Харьковом. Поместили его в комнату, где жили пленные генералы. На следующий день Иванов объявил голодовку как протест на зверское обращение командования лагеря с военнопленными. Эта новость моментально стала достоянием лагеря. Подпольный комитет решил использовать факт голодовки Иванова как наглядный пример мужества генерала, решившего бросить вызов фашистским палачам.

Вот что мне потом рассказал об этом событии майор Гагуа. Ему было поручено спровоцировать вызов коменданта лагеря на свидание с генералом Ивановым. Проводя работу среди военнопленных грузин, майор уговорил двух грузинских парней, которые уже почти дали согласие грузинским князьям поступить в грузинский легион, задать князьям такой вопрос: «неужели Германия настолько бедна, что не может несколькими генералам создать более-менее сносные условия жизни, а затем высказать опасение, что голодовка генерала вредно сказывается на настроении военнопленных и, конечно, может повредить организации легионов?» Во время очередного посещения грузинских князей эти вопросы были заданы. Не только эти два парня, но и все присутствующие начали просить князей вмешаться в это дело. Долго князья не соглашались, но под напором легионеров согласились доложить коменданту. Комендант послал к Иванову ефрейтора узнать, почему объявлена голодовка. Генерал Иванов с ефрейтором разговаривать не стал и заявил, что он будет говорить только с генералом, а если в лагере нет генерала, то только с комендантом лагеря. Так ефрейтор и ушел, не получив нужного ответа. Тогда комендант дал ефрейтору команду привести к нему бунтующего генерала. Ефрейтор явился к генералу, чтобы выполнить приказание коменданта, но Иванов наотрез отказался идти. Комендант решил сам пойти к генералу.

Комендант явился в комнату генералов и потребовал, чтобы их оставили двоих в комнате. Иванов запротестовал и настоял, чтобы разговор происходил в присутствии жильцов комнаты, в противном случае он говорить не будет. Так в присутствии остальных генералов начался их разговор.

– Правда ли, что вы объявили голодовку? – спросил комендант.

– Правда, – ответил генерал.

– С какого времени вы голодаете и какие причины голодовки? – продолжил комендант.

– С того момента, как прибыл в лагерь и увидел условия, в каких содержатся военнопленные и ваше отношение к ним, – сказал генерал.

– А что вы находите плохого в содержании военнопленных и в обращении с ними? – с возмущением спросил комендант.

– Все! Начиная с содержания помещений, одежды и питания. Советские военнопленные за все время пребывания в лагере ни разу не мылись в бане, не меняли белья, завшивели, в помещениях грязно, невероятная скученность. Питание очень плохое, военнопленные опухли от голода, высокая смертность. Большинство военнопленных, в том числе и я, не имеют котелков и ложек и принимают пищу в случайные жестянки, каски и даже в пилотки, едят без ложек, руками. В лагере царит произвол, военнопленных избивают, – высказал свои мысли генерал.

Комендант был недоволен таким поведением генерала и через переводчика потребовал короче излагать свои мысли. Он сказал, что военнопленные должны сами содержать помещения, сами стирать и менять себе белье. Баня строится, что касается котелков и ложек, то они должны обходиться своими, а если они их потеряли, пусть обходятся как знают. «Нарушителей мы наказывали и будем наказывать».

Генерала возмутил такой ответ: «Все, что вы говорите, неправда! Вы установили в казармах тройные сплошные нары и там, где должен жить один человек, вы поселили десять. За четыре месяца существования лагеря вы не построили бани, не организовали места для стирки белья. При поступлении в лагерь вы раздели военнопленных. То, что вы считаете несоблюдением дисциплины – это последствия голода, который вы организовали в лагере. Мне, как и всем военнопленным, без вашего объяснения понятно, что цель вашего командования – как можно больше уничтожить военнопленных. Это их программа, а вы их исполнитель. Я знаю, что вы не в состоянии улучшить питание, но снабдить котелками и ложками при желании вы могли бы. Я знаю, что на том питании, которое вы организовали для военнопленных, я умру от голода, как уже умерли в этом лагере тысячи военнопленных. Но я не желаю по вашей милости превращаться в скота и есть баланду руками из пилотки. Вот почему я объявил голодовку».

Комендант все-таки дал распоряжение сержанту выдать генералу две тарелки и ложку. Генерал язвительно поблагодарил коменданта.

Так закончился этот разговор, который моментально стал достоянием лагеря. Это был первый случай в лагере, когда с военнопленным разговаривали и побоялись наказать его. На второй день Иванова в лагере не стало. Куда увезли его, никто не знал. Как сложилась его судьба, неизвестно.

Через несколько часов после разговора генерала Иванова с комендантом Степан Антонович отозвал меня в сторону и передал мне содержание разговора, а затем, оглянувшись по сторонам, сообщил мне, что есть решение комитета использовать этот разговор для срыва вербовки военнопленных в «казаки» и азиатские легионы. «Иди в барак N 2, там на первой секции найдешь Завьялова, ты его знаешь, и вместе с ним организуйте разговор, да так, чтобы никто и думать не мог о «казаках». Это задание комитета».

Теперь мне окончательно стало ясно, с кем я имею дело. Я немедленно отправился выполнять задание. В указанном месте нашел интенданта второго ранга Завьялова. Он сидел на нижней полке нар и слушал разговор военнопленных. Разговор шел о голодовке генерала Иванова. Судя по разговору, здесь еще не знали о состоявшемся разговоре. Увидев меня, Завьялов спросил, что я знаю нового. Я передал ему содержание разговора генерала с комендантом лагеря. В разговор моментально вступило много людей. Я замолчал, следил за реакцией присутствующих. Пожилой лейтенант с опухшим лицом спрашивает:

– Откуда у него такая уверенность?

Задавая этот вопрос, лейтенант смотрел в мою сторону. Мне отвечать не пришлось, за меня ответил военнопленный в изодранной гимнастерке со следами шпала на гимнастерке.

– Уверенность у него потому, что он чувствует за собой силу. Он недавно с фронта, и дела там идут хорошо.

– Говоришь неплохо, а откуда ты знаешь? – спешит задать вопрос рядом сидящий товарищ.

– Что-то не видно успехов, если до сих пор в лагерь поступают военнопленные, да еще в таком количестве, – с грустью делает замечание пожилой лейтенант.

– Так цеж полонены с других лагирив, що були взяти в полон в вересни 1941 під Пирятину, Лубной, Яготиним. До них німці трохи свижих и получается горазд.

– Так легче вербовать козаків! – кричит мужчина средних лет со средней полки нары.

– У меня сосед прибыл вчера с военнопленными, которых немцы выдают за пленных, взятых под Дебольцево, а он взят в плен под Хоролом в сентябре 1941 г. Он говорит, что почти вся эта команда прибыла с Хорольского лагеря, там ликвидирован лагерь. К ним добавили немного новичков, и получилась солидная колонна.

– Товарищи, а я сегодня видел капитана, так он рассказывал, что он попал в плен западнее станицы Лозовая, что наши наступают, – почти кричит молодой лейтенант.

– Это может быть. Только ты не спросил, когда он попал в плен? Наверное, в сентябре сорок первого при отступлении?

– А вот как раз и спросил! Меня это очень интересовало! И попал он в плен не при отступлении в сентябре сорок первого, а при наступлении в феврале сорок второго под Лозовой, – парирует молодой лейтенант.

– Это где же Лозовая? – спрашивают несколько человек.

– А вы что, не знаете? Это между Харьковым и Днепропетровском, юго-западнее Харькова, – дают справки соседи.

– Теперь понятно, почему генерал Иванов так уверенно ведет себя, – раздаются голоса.

– Да что вы разносились со своим генералом как с писаной торбой. Он накопил жиру за счет солдат, так с таким жиром можно и голодовку объявлять, не помрешь. Вот он пусть с наше поголодает, тогда по-другому запоет, – подает писклявый голос маленький, страшно худой старик.

– Это не от жира зависит, а от совести, от характера, от воспитания. Вот ты, например, – указывает капитан на старика, – вырос пресмыкающимся, так им и остался. А товарищ Иванов не с того теста сделанный, не так воспитан. Он уже за нас слово сказал, смерти не побоялся, может, его уже и в живых нет, а ты – с наше поголодай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.